

УДК 821.161.1

«Май месяц в Петербурге» И.А. Гончарова: спорные вопросы поэтики¹

Мельник Владимир Иванович

Доктор филологических наук,
профессор кафедры языкознания и литературоведения
Государственной академии славянской культуры,
125373, Российская Федерация, Москва, Хибинский пр-д, 6;
e-mail: melnikvi1985@mail.ru

Аннотация

В статье дана новая трактовка одного из поздних произведений И.А. Гончарова «Май месяц в Петербурге». За бытовым, очерковым содержанием обнаружена глубокая этико-философская мысль произведения, лежащая и в основе романов Гончарова. Поставлен вопрос о смысловом наполнении приема временного повтора у писателя. Утверждается, что «Май месяц в Петербурге» – не очерковая зарисовка, а новелла о смысле и цене человеческого существования на фоне вечности, своеобразный итог размышлений Гончарова о жизни. Ставится вопрос об отдельном этапе творчества Гончарова.

Для цитирования в научных исследованиях

Мельник В.И. «Май месяц в Петербурге» И.А. Гончарова: спорные вопросы поэтики // Язык. Словесность. Культура. 2015. № 6. С. 36-53.

Ключевые слова

Гончаров, очерк, реализм, притчевость, физиологический очерк, Обломов, натуральная школа, философичность литературы, периодизация творчества.

1 Работа выполнена при поддержке РГНФ проект № 14-04-00286 «Этика и поэтика И.А. Гончарова».

Введение

Творчество И.А. Гончарова, в частности, его очерковые произведения, остается актуальным объектом научного исследования: наследие писателя остается интересно как русским исследователям [Грузан, 2007; Гуськов, 2003; Ермолаева, 2004; Ермолаева, 2009; Ермолаева, 2012], так и зарубежным литературоведам [Kasack, 1989; Kleespies, 2011; Kleespies, 2011; Kliger, 2011; Kliger, 2012; Platonov, 2007].

Поздние новеллы И.А. Гончарова были написаны за несколько месяцев до кончины писателя и стоят в его творчестве особняком. Они как-то нарочито опрощены, прозрачны по композиции, по способам создания образа, по принципам психологической характеристики героев. Может создаться впечатление утраты творческой силы постаревшего романиста. Кажется, что в произведении господствует очерковая описательность, столь распространенная в эпоху «натуральной школы». Стиль речи автора-повествователя напоминает устный рассказ. Кажется, романист, уже не имеющий сил и воли обратиться к большим замыслам (известно, что он задумывал свой «четвертый роман», но так и не приступил к его написанию) почти «отдыхает», занимаясь своей любимой, но не обязательной «работой»: он рисует пером, как он часто делал в письмах к своим знакомым, – и только. Такое времяпрепровождение доставляло Гончарову, как известно, немалое удовольствие.

Исследователи не случайно заговорили о параллели с «натуральной школой»: к этому подталкивает множество едва ли не нарочито акцентированных автором деталей. Самое название «очерка» так и просится в известный альманах «натуральной школы» «Физиология Петербурга» (1845), где были собраны произведения с уныло однообразными названиями, вроде «Петербургская сторона», «Петербургские шарманщики», «Петербургские углы», «Петербургский дворник» и пр. «Май месяц в Петербурге» почти идеально вписывается в указанный ряд названий. Единственный нюанс – привнесенное обозначение времени, а не топоса: месяц май. Как выясним позже, это отличие имеет принципиальный характер, несмотря на то, что в очерке дается описание обычной жизни петербургского дома (так что Гончаров, будь очерк написан в 1840-е гг., мог бы назвать его, например, «Петербургский дом»).

«Май месяц в Петербурге»: физиологический очерк или притча?

Приемы натуральной школы, метод описания, присущий физиологическому очерку – все это, действительно, далеко не чуждо произведению Гончарова. Если затронуть существенно важный вопрос о жанре «Мая месяца», то Б.Энгельгардт отчасти справедливо назвал его «своеобразной реминисценцией «физиологического» очерка 40-х годов» [Энгельгардт, 1937, 321-322]. Впервые в печати «Май месяц в Петербурге» появился с обозначением жанра: очерк [Гончаров, 1892]². В.А. Недзвецкий, считавший, что роман Гончарова тесно связан с жанром очерка и включает в себя различные его разновидности и элементы, писал: «К началу 70-х годов роман и очерк для Гончарова как бы меняются местами. Теперь уже не очерк служит подсобным материалом для романа, но нереализованные романические замыслы... служат тем арсеналом, из которого черпает автор в своей работе над малой формой... От романских «клочков», по всей видимости, отпочковались, разрастаясь, «Май месяц в Петербурге», «Поездка по Волге»... Роман Гончарова в конце жизни писателя как бы «рассыпается» на очерки и близкие к ним рассказы» [Недзвецкий, 1980, 419].

К сожалению, исследователь не аргументировал эту интересную мысль. Зато он высказался о мотивах обращения Гончарова к очерку: «В 70-80-е годы Гончаров обращается к малой форме, и прежде всего – жанру очерка. Именно очерк будет отныне удовлетворять как требованиям по-прежнему живой фантазии писателя, его пронизательного ума, так и дару наблюдательности, неизбывной «привычке держать перо в руках»...» [там же, 413]. То есть малый жанр очерка позволял экс-романисту получать удовольствие от процесса творчества – при отсутствии больших романских замыслов. Отчасти это верно. В одном из писем к А.Ф. Кони романист признавался, что самый процесс писания, самовыражения вошел у него в привычку и стал своего рода необходимостью. В этом смысле разработка старых микрозамыслов, не вошедших по тем или иным причинам в романы, придание им самостоятельного интереса – вполне реальная версия. Поэтому не удивительно, что исследователь приходит к выводу, что в очерке «Май месяц в Петербурге» «жизнь большого петербургского дома...

2 Очерк опубликован с цензурными изъятиями.

полностью лишена внутреннего, психологического интереса, статична» [там же, 416]. Сходным образом определяет жанр произведения немецкий исследователь В.Козак: «Гончаров... решил на форму рассказа, которая во время его юности в 30-е годы XIX века, придя из Франции, была очень известна, а в 40-е годы – очень популярна: «физиологический очерк» [Kasack, 1989, 72].

На наш взгляд, В.А. Недзвецкий и В.Козак недооценили глубины замысла «Мая месяца в Петербурге», равно как и «Ухи», и «Превратности судьбы», не увидели больших, совсем не очерковых, художественных смыслов, объединяющих эти произведения в некое предсмертное завещание писателя. Иначе говоря, «Май месяц в Петербурге», при всей формальной близости к физиологическому очерку, совсем «не о том».

Предсмертные произведения Гончарова вообще, по сути, представляют собою не столько очерки, сколько новеллы, тяготеющие к философско-дидактической, отчасти притчевой, разновидности. Лишь на первый взгляд кажется, что «Май месяц в Петербурге» построен по законам «физиологии». В.А. Недзвецкий и сам почувствовал здесь нечто большее: «Новое – в большей, чем это доступно «физиологии», выпуклости, типичности ряда фигур...» [Недзвецкий, 1980, 441]. Так или иначе, но получается, что Гончаров всего-навсего несколько «улучшил» физиологический очерк 1840-х годов. Небольшая заслуга для автора «Обломова». И при этом совершенно проигнорирован вопрос о продолжающихся этико-философских, душевных и духовных поисках писателя. А в этом главное. Романист не просто наслаждался процессом писания, рисования типов, словом, легкого, мало к чему обязывающего творчества, но и продолжал искать свои пути к высшему идеалу жизни.

Психологические типажи

Кажется, что предмет описания в произведении – чисто очерковый: один день из жизни большого петербургского дома, описание типичных его жильцов из различных сословий русского общества. Каждый персонаж наделяется всего лишь одной доминирующей психологической чертой, за исключением «любимого», стоящего несколько особняком героя – управдома Ивана Ивановича.

Начинается описание с «главных» квартир. Генерал-граф Решетиллов с семьей занимает «большую квартиру в бельэтаже». Сразу же называется доминирующая психологическая черта графа: «Граф был человек военный и возражений на свои приговоры не допускал. Только от равных себе по чину он принимал противные его взгляду мнения. На низших же смотрел свысока». Очевидно, что граф Решетиллов относится не к лучшей части высшего света, являясь именно его типичным представителем. Такова же и его супруга-графиня. Если муж занят государственными делами, то графиня существует и показана в духовно-эстетической сфере («Она не ездила, как большинство наших барынь, по магазинам, а посещала музеи, картинные галереи, мастерские художников»). Духовный портрет графини выполнен Гончаровым с видимой оглядкой на евангельскую притчу о сеятеле: «А посеянное в тернии означает того, кто слышит слово, но забота века сего и обольщение богатства заглушает слово и оно бывает бесплодно» (Мф.: 13, 22). Именно о «посеянном в тернии» свидетельствует гончаровское описание, ибо графиня даже «охотится» за «словом», но не слышит его и не принимает как руководство к действию: «К графине – то приедет русский архиерей, то католический прелат, иногда какая-нибудь великосветская барыня с визитом. Графиня одинаково говорила и с русским преосвященным, и с католическим прелатом, и с великосветской барыней. Услышит, например, она, что в такой-то церкви православный священник будет говорить красноречивую проповедь, она едет туда, выслушает и умилился искренно. Узнает, что готовится говорить католический прелат, она едет в инославный храм и также умиляется, как он хорошо говорил; точно так же с восторгом слушает и какого-нибудь апостола из светских проповедников, нужды нет, что он проповедует явный раскол. *А к вечеру забудет их всех* (курсив наш – В.М.)». Графиня, а вместе с ней подавляющая часть «высшего света», относится к тому типу людей, о которых в евангелии сказано: «... но не имеет в себе корня и непостоянен» (Мф.: 13, 21). Гончаров поднимает очень важный общественный вопрос – в сущности, о судьбе России: об утрате высшим классом духовно-нравственного «корня».

Удивительно для «физиологии», но именно персонажи из высшего класса занимают в очерковой новелле наибольшее место. Помимо графа и графини, это, например, их гости. В описаниях чувствуется, что опыт изображения

высшего света Л.Н. Толстым не прошел даром для Гончарова, стиль которого, однако, принципиально лаконичен и нарочито «опрощен». Княгиня Перская характеризуется одной чертой (или, скорее, одна из черт жизни высшего общества персонифицирована в образе княгини). «Представь, я нынче сделала двадцать два визита... это ужас! – с неподдельным ужасом говорила она. Графиня с состраданием покачивала головой. – Осталось еще визитов тридцать! – со вздохом добавила она». Высший свет представлен и гостем жильца Чиханова – это князь Копылин, сноб, говорящий по-французски, но забывающий русский язык (проблема, к которой Гончаров часто обращался в своих статьях и письмах).

Коллективный портрет представителей высшего света выполнен Гончаровым почти без рассуждений и комментариев, пустота душевно-духовной жизни персонажей выдает себя сама – в мотивации действий, в репликах и жестах.

Не мог обойти Гончаров и ту среду, которую хорошо знал и которую воспринимает так же критично, как и «высший класс»: высшее и среднее чиновничество. Оно представлено в «Мае месяце» неприглядной фигурой «важного чиновника» по фамилии Вальнев³.

Следующий типаж, проживающий «с другой стороны в бельэтаже» – «какой-то важный чиновник». Его характеристика, как и характеристика генерала, базируется на отношениях с низшими и высшими. «Он был небольшого роста, с маленьким лбом; с высшими себя почтителен, равных избегал, а с низшими нагл и настойчив». Подобная почти гротесковая характеристика персонажа показывает стремление Гончарова оценивать нравственность людей через их способность быть самими собой, независимо от обстоятельств, то есть через «порядочность», внутренний аристократизм, что возвращает нас к проблематике «Писем столичного друга к провинциальному жениху». Гончаров, прекрасно знающий чиновничью среду, дает много подробностей, разоблачающих важность «важного чиновника»: «Он всегда был озабочен, говорил всем, что у него пропасть дела, и даже уверял свое начальство, что он не спит, не ест, а все делает дело. Выпросит себе какую-нибудь командировку, всегда полегче, а денег на нее побольше, сдаст все дела свои другим, и возится с этой

---

3 Пока неясно, следует ли искать истоки этого образа в фигуре реального знакомого и бывшего начальника Гончарова – графа П.А. Валуева.

командировкой целые месяцы; потом уверяет всех и каждого, больше всего свое начальство, что без него и без его трудов дело бы стояло».

Здесь же Гончаров помещает исполненные мягкого юмора жанровые сценки из жизни мелких чиновников (Юхнов, Брагин и Понюшкин).

Купечество представлено типом, неприятно дополняющим типажи А.Н. Островского. Купец Гвоздев держит в доме винный погреб. Гончаров в обрисовке этого персонажа вернулся к давнему мотиву донжуанизма. Гвоздев с порога своего погреба постоянно следит «восторженным взглядом» за сестрами-девицами, дочерьми умершего коллежского советника.

Как и всегда, Гончаров с неподражаемым юмором описывает слуг, в которых вольно или невольно проявляется то, что часто остается скрытым в хозяевах. Таковы штатский и военный слуги графа, такова Маланья, прислуживающая мелким чиновникам.

Но несомненно важнейшее место в очерке занимает весьма симпатичная фигура управляющего домом Ивана Ивановича Хохлова, чья характеристика как бы противопоставлена всем остальным. Автор выражает явную симпатию к герою: «Чудный человек был этот Иван Иванович. Он всем умел быть полезен и всем угождал и никогда не расставался со своими шутками и со своей улыбкой». В финале новеллы фигура Ивана Ивановича станет основной иллюстрацией философских размышлений автора, о чем будет сказано ниже.

Хронотоп очерка

Во временном плане «Май месяц» четко разбивается на три основных части. Первая часть: один типичный день большого петербургского дома, различных его жильцов. Некоторые персонажи новеллы-очерка целиком укладываются в узкие временные рамки этого дня. Описание по преимуществу статично, авторский комментарий практически отсутствует. Вторая часть – это описание тех изменений в жизни персонажей, которые произошли в течение трех лет («прошел один, другой и третий май месяцы»). В этой части произведения господствует описание порою значительных и вовсе не очерковых изменений в жизни героев. Эти изменения и в то же время подчеркнутая неизменность по-

зволяют автору от быта шагнуть к философской постановке вопроса в третьей части: а что такое время и меняется ли что-либо в жизни – и что именно?

Описание дня очень детально, автор указывает конкретные часы. Действие начинается ранее семи часов утра, когда в доме начинается первое движение. В семь часов в доме на сцене появляются дворники. Следуют исполненные юмора жанровые сценки, многие детали напоминают известный очерк В.И. Даля «Петербургский дворник». Гончаров как бы постоянно следит за стрелкой часов: «Часов в семь дворник Архип вынес самовар, обхватив его, как друга, рукой и начал звать товарища своего пить чай», «Был еще восьмой час утра», «Наконец ударило девять часов», «Между тем настал полдень, затем завтрак», «В то же утро, часа в два, приехал к Чиханову старинный его приятель, богатый князь Копылин», «Часа в три вдруг графиня, как сидела, так поднялась со своего места, накинула, не глядя, какую-то мантилью на плечи, на ходу надела шляпу, перчатки. Ей подали экипаж, она села и поехала, куда глаза глядят», «Графиня вернулась к шести часам», «Настал вечер»...

Вторая часть новеллы интересна по замыслу. Она явно показывает, что доминирующим моментом в произведении является не физиологическое описание и не жанровые сценки, а философия времени. Автор начинает эту композиционную часть со слов: «Какой же вывод сделать из всего этого?» Вопрос сразу переводит произведение из плоскости очерковой физиологии в плоскость более сложных жанрово-художественных образований. Сразу после этого начинается очерчивание «второго круга», по которому идут события. Этот «второй круг», на первый взгляд, должен подчеркнуть неизменность, повторяемость явлений: «Прошел один, другой и третий май-месяцы... Их сменяли летние жары, потом осенние непогоды, зимние морозы и так далее. Дом стоят все на том же месте. Надо начать сначала: с голубей, воробьев и кошек. Первые выводили новые поколения, кошки тоже обзаводились котятками» и т. д. То есть прошло три года – и ничего не изменилось: «Дворники, может быть, все тот же Архип и его товарищ, по-прежнему ставили самовары и пили чай, потом принимались мести двор и улицу, в ущерб проходим и проезжим, все с той же оговоркой: «полиция велит!» По-прежнему они плескали из шаек и полоскательных чашек воду на двор и мостовую.

По-прежнему проезжал по улице «сам» и, может быть, грозил пальцем дворникам и городовому. Швейцары графа и графини Решетиловых все ссорились между собой, по-прежнему разбирали, кому какие журналы и письма».

В.А. Недзвецкий подчеркивал как основу «Мая месяца» именно повторяемость и неизменность: «Интересна концовка-эпилог... Течет время, но жизнь, быт, нравы всех обитателей петербургского дома пребывают неизменными, однообразно рутинными. Все здесь, настойчиво подчеркивает писатель, по-прежнему... Статичность, обычно присущая «физиологическому» методу, преобразилась у Гончарова в способ итоговой характеристики изображаемой петербургской жизни – неподвижной, окостеневшей» [Недзвецкий, 1980, 441]. Между тем комментатор «Мая месяца» К.Н. Полонская еще в 1950-е гг. очень верно выделила самые резкие отличительные черты произведения: «Очерк представляет особый интерес тем, что Гончаров пытается показать жизнь в развитии и изменении». В.А. Недзвецкий вторую композиционную часть новеллы называет «концовкой-эпилогом» [там же]. Но это не так. Эпилог выделен Гончаровым в третью часть, и в этой третьей части как раз подчеркнут мотив изменения жизни: «Жизнь все жизнь, понемногу движется, куда-то идет все вперед и вперед, как все на свете, и на небе, и на земле...». В.А. Недзвецкий в данном случае идет прямо вразрез с текстом, он утверждает: «... не изменился... и сам управляющий домом» [там же]. В тексте же, как раз в заключительной третьей части, прямо написано: «А будто не изменился! Нет, видно, изменился и он, и его жизнь идет куда-то вперед, как все на белом свете...».

Во второй части новеллы Гончаров касается снова, но сжато и кратко, всех персонажей в их доминирующих характеристиках. Лишь в первых трех абзацах второй части автор отмечает, нагнетая определенное настроение, что все идет по-прежнему, все идет по кругу. Однако уже с четвертого абзаца он начинает показывать подвижки в жизни героев, а порою и давать углубленные их характеристики и комментарии: «Граф Решетилов уехал на лето в свое имение хозяйничать. Жена его, послушав проповедников русских и нерусских, отправилась за границу на воды, с дочерью и гувернанткой. Дети их ушли в лагерь. Квартира опустела». Важный чиновник Вальнев, «выпросив себе у начальства еще какую-то лепту, сосватал себе невесту, в купеческом семействе, как он хо-

тел, с большим приданым». О чиновнике Брагине сказано: «Чиновник Брагин теперь уже управляет отделением. С эскутором он по-прежнему закадычный приятель и получил казенную квартиру». Коренным образом меняется судьба чиновника Понюшкина: «Понюшкин уехал куда-то на юг, сделался русским социалистом, побратался с простым народом».

Таким образом, во второй части диапазон тем и глубина повествования сильно меняются. Взамен жанровых сценок с дворниками и описания дня многоквартирного дома появляются острые темы и обобщения: отношение к правительству, религии, уход в социалисты. Во второй части начинает приоткрываться широкий авторский замысел, который становится вполне ясен лишь в финале произведения.

Совершенно не в духе «физиологии» финальная часть произведения не только содержит имена известных ученых (Ньютон, Гершель, Фламарион), но и выходит на уровень философских размышлений над жизнью. Здесь три основных персонажа: управляющий домом Иван Иванович, его приятель, прозванный им «философом», и сестра последнего, молодая вдова, на которой Иван Иванович «не прочь и жениться».

Эти персонажи уже не очерковые, стержневым словом в этой части является слово «философ», ибо автор выражает здесь свою философию жизни, а герои – «охотники рассуждать об отвлеченных предметах». Философ-приятель «десять все составляет какой-то лексикон восточных языков, да кроме того занимается астрономией, перечел все авторитеты от Ньютона, Гершелей⁴, до какого-нибудь Фламариона⁵, и все хочет добиться, есть ли жители на Венере,

---

4 Речь идет о семье астрономов Гершелей. Во-первых, это Уильям Гершель (1738-1822) – выдающийся английский астроном немецкого происхождения. Прославился открытием планеты Уран, а также двух её спутников – Титании и Оберона. Во-вторых, это его сестра Каролина Гершель (1750-1848), сделавшая заметные астрономические открытия. В-третьих, это Джон Гершель (1792-1871) – английский астроном и физик, сын Уильяма Гершеля.

5 Камиль Николя Фламарион (1842-1925) – французский астроном, известный популяризатор астрономии. В библиотеке Гончарова находились книги Фламариона: «La pluralite des mondes habites, etudes ou l on expose les conditions» (Paris: Didier, 1872), «Les merveilles celestas, lectures du Soir» (Paris; Hachette, 1869), «Recits de l infini, humaine histoire d une cjmete dans l infini» (Paris; Didier, 1873). См. об этом: Описание библиотеки И.А. Гончарова. Ульяновск, 1987. С. 111-112.

Марсе и других планетах, какие они, что делают и прочее?». Здесь сказало увлечение самого писателя научно-популярной литературой, в частности, по астрономии.

Философия времени и социальной жизни

В заключительной части новеллы органично и ненавязчиво проступает авторский взгляд на жизнь. Это взгляд вдумчивый и созерцательный. На чем он основан? К.Н. Полонская в свое время писала: «Другое отличие этого очерка от ранних произведений Гончарова в большей лаконичности письма, напоминающей Чехова» [Гончаров, 1955, т. 7, 532]. Напоминающей, но в известном смысле антагонистичной по отношению к автору «Дамы с собачкой». Лаконизм Чехова замешен на тонкой психологической игре автора с деталями; лаконизм в «Мая месяце» подчеркнута «непсихологичен». Скорее он напоминает о «народных рассказах» Л.Н. Толстого. Жизнь в «Мая месяце», и в еще большей степени в «Ухе», «Превратности судьбы», несмотря на жанровую незначительность, изображается эпически. Точка обзора событий у автора – весьма высокая: вечность, «космос» (недаром в эпилоге «Мая месяца» говорится об астрономии, о жизни на других планетах, хотя в целом в очерке изображается жизнь в отдельных квартирах одного дома), Бог.

Задачей автора, кажется, и является сопряжение «бесконечно малых» величин с «бесконечно большими». Д.С. Лихачев в своей книге «Поэтика древнерусской литературы» писал: «Время в художественной литературе воспринимается благодаря связи событий – причинно-следственной или психологической, ассоциативной. Время в художественном произведении – это не только и не столько календарные отсчеты, сколько соотношенность событий» [Лихачев, 1979, 213]. Однако тема «Мая месяца», на первый взгляд, – отсутствие этой соотношенности, а стало быть, и фактическое отсутствие времени или его полное равнодушие к мелкой суе человеческой жизни. События ничтожны, но взяты в объектив изображения с такой космической высоты, что время (а вместе с тем и усилия человека в самореализации, в движении к идеалу и пр.) теряет свою цену. Оно ничто. Кажется, что Гончаров подает пример чисто восточной

философии жизни. Однако главным, доминирующим в очерке является двойственность восприятия.

С одной стороны, ничего не меняется, все повторяется, в этой повторяемости неуловимое содержание жизни, хотя и не ее смысл: «Надо начать сначала: с голубей, воробьев и кошек. Первые выводили новые поколения, кошки тоже обзаводились котятками». Тем не менее акцент сделан на последней, заключительной фразе произведения: «Нет, видно, изменился и он и его жизнь идет куда-то вперед, как все на белом свете...». Указанная фраза не решает вопрос о смысле жизни, но ставит этот вопрос. Маленькая суэта, мелкий сор жизни (а способ повествования уравнивает суету жизни маленьких чиновников, кошек и голубей, дворников и аристократов) рассмотрены с космической высоты вопроса о том, есть ли жизнь на Венере. То есть с космической высоты (или в нравственном плане – с высоты Создателя) важное для каждого отдельного персонажа наполнение жизни кажется чем-то малозначащим, «оттенками серого». В то же время последняя фраза «Мая месяца» говорит, что «все на белом свете» идет куда-то «вперед». Куда? Автор не отвечает на этот вопрос, предпочитая позицию созерцателя истины. Он лишь подчеркивает, что в этом мире ничего не проходит бесследно, что микроскопические изменения, пробивающиеся сквозь видимую повторяемость событий имеют высокий, «космический» смысл. Фраза «жизнь идет куда-то вперед, как все на белом свете...» содержит внутренний отсыл, например, к роману «Обломов»: «И на Выборгской стороне, в доме вдовы Пшеницыной, хотя дни и ночи текут мирно, не внося буйных и внезапных перемен в однообразную жизнь, хотя четыре времени года повторили свои отправления, как в прошедшем году, но жизнь все-таки не останавливалась, всё менялась в своих явлениях, но менялась с такою медленною постепенностью, с какою происходят геологические видоизменения нашей планеты: там потихоньку осыпается гора, здесь целые века море наносит ил или отступает от берега и образует приращение почвы».

И что же в итоге? Кажется, что жизнь Обломова в ее микроскопических движениях, лишенных штольцевского масштаба, прошла даром. Но это не так. Ведь сам Штольц признал, что «таких людей мало; они редки; это перлы в толпе». Обломов оставил после себя наследника, Андрея. А главное – самой сво-

ей жизнью, своим «золотым сердцем» изменяет окружающих людей и жизнь вокруг себя. Об Агафье Пшеницыной сказано: «Она поняла, что проиграла и просияла ее жизнь, что Бог вложил в ее жизнь душу и вынул опять; что засветилось в ней солнце и померкло навсегда... Навсегда, правда; но зато навсегда осмыслилась и жизнь ее: теперь уж она знала, зачем она жила и что жила не напрасно». Но в таком случае и Обломов жил не напрасно.

Таким образом, как в самом «Обломове», а до этого в «Обыкновенной истории», так и – особенно – в поздних новеллах, где повторяемость как бы нарочито подчеркнута автором, безликое бытовое сознание, живущее обыденностью повтора, сталкивается с неожиданным эффектом обманутого ожидания, с проявлением личностного начала, с проявлением души и духа.

Заключение

В «Мая месяце в Петербурге» Гончаров акцентирует ту этико-философскую основу, на котором базируются его романы. Естественно, что подводя итоги жизни, за два месяца до своей смерти он пишет произведения, где психологизм не столь важен, как притчевость. Психологизм, во всяком случае в его романной глубине, упразднен, но зато яснее выступила та созерцательная, философская позиция автора, которая лежит в основе его мировоззрения. «Май месяц в Петербурге» – не очерковая зарисовка, а новелла о смысле и цене человеческого существования на фоне вечности, своеобразный итог размышлений Гончарова о жизни. Произведение тесно связано по замыслу с написанными в то же время новеллами «Уха» и «Превратность судьбы». Несомненно несущие на себе печать очерковости, они представляют собою отдельный этап творчества романиста, смысл и значение которого еще предстоит осознать гончарововедению.

Библиография

1. Гончаров И.А. Май месяц в Петербурге: Очерк (Посмертное произведение) // Нивы. СПб., 1892. № 2. С. 259-276.

2. Гончаров И.А. Собр. соч. в 8-ми томах. М.: Художественная литература, 1980. Т. 7. 462 с.
3. Гончаров И.А. Собр. соч. и писем в 8-ми томах. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1954. Т. 7. 433 с.
4. Грузан И.Е. Путевые очерки И.А. Гончарова // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2008. № 2. С. 45-51.
5. Гуськов С.Н. Любимое дитя Гончарова: книга очерков «Фрегат «Паллада» // Литература в школе. 2003. № 5. С. 9-14.
6. Ермолаева Н.Л. О культуре героя в поздних очерках И.А. Гончарова // Вестник Воронежского государственного университета. 2012. № 2. С. 48-52.
7. Ермолаева Н.Л. Очерк И.А. Гончарова «Превратность судьбы» в литературном контексте // Вестник Воронежского государственного университета. 2009. № 1. С. 29-34.
8. Ермолаева Н.Л. Христианские мотивы и образы в очерках И.А. Гончарова // Вестник Ивановского государственного университета. 2004. № 1. С. 26-34.
9. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Изд. 3-е. М.: Наука, 1979. 360 с.
10. Мельник В.И. Император Александр III и его эпоха в восприятии И.А. Гончарова // Культура и цивилизация. 2012. № 5-6. С. 45-53.
11. Недзвецкий В.А. Гончаров-очеркист // Гончаров И.А. Собр. соч. В 8-ми томах. М., 1980. Т. 8. С. 414-440.
12. Симкина С.К. Жанры русской периодики и мастерство критиков, публицистов и очеркистов XIX века в советской критической литературе: (Материалы к библиогр.). II. Мастерство русских критиков, публицистов и очеркистов. И.А. Гончаров // Русская журналистика XVIII-XIX веков: (Из истории жанров). Л., 1969. С. 147-148.
13. Энгельгардт Б.М. Предисловие // Гончаров И.А. Повести и очерки. Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1937. С. 321-322.
14. Kasack W. Ein Meister auch der kleinen Form. Ivan Goncarovs Erzählung. *Ein Mai in Petersburg* // I.A. Goncarov. Beiträge zu Werk und Wirkung. Köln, Wien: Bohlau, Verlag, 1989. Hg. von Peter Thiergen. S. 72.

15. Kleespies I. Russia's Wild East? Domesticating Siberia in Ivan Goncharov's *The Frigare Pallada* // *Slavic & East European Journal*. 2012. Vol. 56. Issue 1. P. 21-37.
16. Kleespies I. Superfluous Journeys? A Reading of 'Onegin's Journey' and 'A Journey around the World by I. Oblomov' // *Russian Review*. 2011. Vol. 70. Issue 1. P. 20-42.
17. Kliger I. Genre and Actuality in Belinskii, Herzen, and Goncharov: Toward a Genealogy of the Tragic Pattern in Russian Realism // *Slavic Review*. 2011. Vol. 70. Issue 1. P. 45-66.
18. Kliger I. Hegel's political philosophy and the social imaginary of early Russian realism // *Studies in East European Thought*. 2013. Vol. 65. Issue 3/4. P. 189-199.
19. Platonov R. Remapping Arcadia: 'Pastoral space' in nineteenth-century Russian Prose // *Modern Language Review*. 2007. Vol. 102. Issue 4. P. 1105-1121.

"The May in St. Petersburg" by Ivan Goncharov: issues of poetics

Vladimir I. Mel'nik

Doctor of Philology,
Professor of Department of Language and Literature Studies,
State Academy of Slavic Culture,
125373, 6 Khibinskii str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: melnikvi1985@mail.ru

Abstract

The article presents a new interpretation of one of the later works by Ivan Goncharov, an essay "The May in St. Petersburg" ["Mai mesyats v Peterburge"]. The essay contents profound ethical and philosophical ideas that lie at the basis of Goncharov's novels. The author raises the question of the semantic content of

the iterations in the works by Goncharov. It is alleged that the "The May in St. Petersburg" is not a sketch essay, it is a short story about meaning and price of human existence against the background of eternity, the original result of reflection about life itself. The essay marks a specific stage of Goncharov's creative work. In the "The May in St. Petersburg" Goncharov emphasizes the ethical and philosophical foundations, on which his novels base itself. Summing up his life, two months before his death, he wrote a work in which psychology is not as important as the parable. Psychology abolished, at least in its novelistic depth, but the contemplative, philosophical position of the author became clearer. The essay is closely linked with the stories written in the same time, "The fish soup" ["Ukha"] and "The historical quirk" ["Prevratnost' sud'by"].

For citation

Mel'nik V.I. (2015) "Mai mesyats v Peterburge" I.A. Goncharova: spornye voprosy poetiki ["The May in St. Petersburg" by Ivan Goncharov: issues of poetics]. *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura* [Language. Philology. Culture], 6, pp. 36-53.

Keywords

Ivan Goncharov, essay, realism, parable, physiological sketch, Oblomov, philosophical literature, creative work periodization.

References

1. Engelhardt B.M. (1937) Predislovie [Preface]. In: Goncharov I.A. *Povesti i ocherki* [Novels and essays]. Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., pp. 321-322.
2. Ermolaeva N.L. (2004) Khristianskie motivy i obrazy v ocherkakh I.A. Goncharova [Christian motifs and images in the essays by Ivan Goncharov], *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of Ivanovo State University], 1, pp. 26-34.
3. Ermolaeva N.L. (2009) Ocherk I.A. Goncharova "Prevratnost' sud'by" v literaturnom kontekste [The essay "The historical quirk" by Ivan Goncharov in a literary context]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Voronezh State University], 1, pp. 29-34.

4. Ermolaeva N.L. (2012) O kul'ture geroya v pozdnikh ocherkakh I.A. Goncharova [The hero in the later essays by Ivan Goncharov]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Voronezh State University], 2, pp. 48-52.
5. Goncharov I.A. (1892) Mai mesyats v Peterburge: Ocherk (Posmertnoe proizvedenie) [The May in St. Petersburg: Essay (Posthumous work)]. *Nivy* [Fields], 2, pp. 259-276.
6. Goncharov I.A. (1954) *Sobr. soch. i pisem v 8-mi tomakh* [Collected works and letters in 8 vols], vol. 7. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1954.
7. Goncharov I.A. (1980) *Sobr. soch. v 8-mi tomakh* [Collected works in 8 vols], vol. 7. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ.
8. Gruzan I.E. (2008) Putevye ocherki I.A. Goncharova [Travel essays by Ivan Goncharov]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University], 2, pp. 45-51.
9. Gus'kov S.N. (2003) Lyubimoe ditya Goncharova: kniga ocherkov "Fregat "Pallada" [Goncharov's favorite creation: book of essays "Frigate "Pallada"]. *Literatura v shkole* [Literature in school], 5, pp. 9-14.
10. Kasack W. (1989) Ein Meister auch der kleinen Form. Ivan Goncarovs Erzählung. Ein Mai in Petersburg. In: I.A. Goncarov. *Beiträge zu Werk und Wirkung*. Köln, Wien: Bohlau, Verlag, p. 72.
11. Kleespies I. (2011) Superfluous Journeys? A Reading of "Onegin's Journey" and "A Journey around the World by I. Oblomov". *Russian Review*, 70 (1), pp. 20-42.
12. Kleespies I. (2012) Russia's Wild East? Domesticating Siberia in Ivan Goncharov's *The Frigate Pallada*. *Slavic & East European Journal*, 56 (1), pp. 21-37.
13. Kliger I. (2011) Genre and Actuality in Belinskii, Herzen, and Goncharov: Toward a Genealogy of the Tragic Pattern in Russian Realism. *Slavic Review*, 70 (1), pp. 45-66.
14. Kliger I. (2013) Hegel's political philosophy and the social imaginary of early Russian realism. *Studies in East European Thought*, 65 (3-4), pp. 189-199.
15. Likhachev D.S. (1979) *Poetika drevnerusskoi literatury* [Poetics of Old Russian literature], 3rd ed. Moscow: Nauka Publ.

16. Mel'nik V.I. (2012) Imperator Aleksandr III i ego epokha v vospriyatii I.A. Goncharova [Emperor Alexander III and his era in Ivan Goncharov's perception]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 5-6, pp. 45-53.
17. Nedzvetskii V.A. (1980) Goncharov-ocherkist [Goncharov, the essayist]. In: Goncharov I.A. *Sobr. soch. v 8-mi tomakh* [Collected works in 8 vols], vol. 8. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., pp. 414-440.
18. Platonov R. (2007) Remapping Arcadia: "Pastoral space" in nineteenth-century Russian Prose. *Modern Language Review*, 102 (4), pp. 1105-1121.
19. Simkina S.K. (1969) Zhanry russkoi periodiki i masterstvo kritikov, publitsistov i ocherkistov XIX veka v sovetskoj kriticheskoj literature: (Materialy k bibliogr.). II. Masterstvo russkikh kritikov, publitsistov i ocherkistov. I.A. Goncharov [Genres of Russian periodicals and skills of critics, journalists and essayists of the XIX century in the Soviet critical literature (Materials to bibliography). II. Skills of Russian critics, writers and essayists. Ivan Goncharov]. In: *Russkaya zhurnalistika XVIII-XIX vekov: (Iz istorii zhanrov)* [Russian journalism XVIII-XIX centuries: (From the history of the genre)]. Leningrad, pp. 147-148.